

18+

Евгений Леонов

ИСКУШЕНИЕ СВЯТОГО ТИХОНИЯ

Евгений Леонов

Искушение святого Тихония

«Издательские решения»

Леонов Е.

Искушение святого Тихония / Е. Леонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-672139-5

Неграмотный монах Тихоний мечтает создать Священное Писание. Однажды он спасает жизнь бродячему книжнику. Кто этот учёный — посланец Бога или же сам дьявол, что явился разрушить храм истинной веры?

ISBN 978-5-00-672139-5

© Леонов Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая.	6
Глава вторая.	7
Глава третья.	9
Глава четвёртая.	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Искушение святого Тихония

Евгений Леонов

Я боюсь человека одной книги.

Фома Аквинский

Редактор Евгения Белянина

Иллюстратор Наталья Ермакова

© Евгений Леонов, 2025

© Наталья Ермакова, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0067-2139-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Незнакомец

*Привечайте неведомых, ибо станут вам братьями нареченными.
«Беседы с учеником»,
старец Иоахим Корнуольский*

За ночь намело. Тихоний вздрагивал всякий раз, когда хвост попадал в сугроб. Взять бы его в лапы, да куда денешь ведро. А если возиться с рысой, ни за что не успеешь натаскать воды в храм и в огород.

Заря набирала силу. Медовый свет золотил шпиль собора, скользил по заиндеветым стеклам витражей. Тихоний, позабыв мороз, любовался суровым и величественным творением мышиных лап. Каменный перст, укрепленный милостью Божьей и Его непобедимой волей, пронзал небеса.

А меж тем утренняя молитва приближалась, и собор глядел на монаха неодобрительно: не мешкай. Тихоний засуетился и поскакал по глубокому снегу, размахивая ведрами. А вот и ручей. Его исток терялся меж колючих кустов, которые обступили монастырь. Что было по ту сторону, и было ли там что-то вообще, – никто не знал.

Подо льдом струилась вода. Страх опоздать подстегнул Тихония. Он шваркнул ведром – брызнули серебряные искры. Не иначе как промыслом Божиим дерево одолело лёд. От стылости скрючило пальцы.

Да что же это?! У самых колючек монах разглядел мыша. Тот лежал недвижим, снегом запорошен.

Тихоний подскочил к нему. Все мыши наперечёт, а этот нездешний. И одет в дорогое пальто поверх приличного костюма. Как ему досталось! Поперёк живота кровавая рана.

Монах задрал голову. Догадка оказалась правильной: наверху в колючках застрял клочок жилетки. Выходило так, будто незнакомец упал сверху, а в падении разорвал брюхо. Не может быть! Кусты поднимаются на недостижимую высоту. Как он туда залез? Да и кто он такой?

Утренние тени попрыгали. Скоро позовут на молитву, а ведра пустые. Монах заколебался. Речено: «Аще в нужде лапу не отринь».

Тихоний потормошил незнакомца и в ответ услышал слабый стон. Тогда он взвалил мыша на плечи и пошёл протоптанной тропинкой.

Глава вторая. Преподобная мать говорит

*Агнесса, с кротостью служа Господу, посрамила нечистого и была
живой взята на небо.
«Успение пресвятой Агнессы»*

На утренней службе Тихоний с трудом обращался к Богу. Мысли мелкими бесятами прыгали к таинственному незнакомцу, отданному на попечение благодетельным сёстрам.

Когда певчие затянули осанну, Тихоний рушил общий хор. Преподобная Агнесса вперилась суровым взглядом, и у несчастного затряслись поджилки. Посадит на тощий желудок или чего похуже.

Едва поспевая за остальными, Тихоний дотянул хвалитны. Агнесса одесную и ошую благословила паству на дневной труд. Тем служба и завершилась.

Тихоний удивился собственной храбрости ступать поперёк монастырского устава. Ведь вместо поливки растений его понесло в лечебницу. Вспомнилась притча о святом Августине и немощном старце. Да, Тихоний отлынивал от послушания, но меж тем подобию святому. А всё-таки душу точил червячок: неуёмное любопытство тешит лукавого. Если хватятся, решил монах, прочитаю молитву о вспоможении болящим – и мигом в огород!

Лечебницу не запирали ни днём, ни ночью. Кто занеможет – иди проведать милосердных сестёр.

Здесь Тихоний бывал часто. Не потому что ослаб здоровьем, слава Богу – не обижен. На его огороде-арборетуме выращивались лекарственные растения. А ещё – фимиам, что воскуривали на богослужении. Дым уносил молящихся в заоблачные дали.

Идти бы нерадивому в арборетум, да вот он – отряхает шерсть на пороге лечебницы.

Его радушно приняли, провели мимо беременной мыши с акушерками, мимо надсадно кашляющего писца за ширму, подальше от прочих.

На койке метался давешний незнакомец: глаза закрыты, усы дёргаются, будто хочет выскочить из сна, да не пускают. Подле несчастного сидела молодая мышь в рясе и апостольнике. Сложив ладони на груди, она вполголоса молила святого Августина утолить страдания болящего. Кончив молитву, монахиня поднялась. Тихоний удивлённо дёрнул ушами, разглядев на ней белый кушак – символ подготовки к Вознесению.

Мышь взяла горшочек с мазью и стала обрабатывать ноги незнакомца. Побитые морозом и разодранные колючками, грубые и уродливые, они выглядели ужасно, но ласковые пальцы монахини унимали боль.

– Сестра Юстина?! – воскликнул Тихоний. – Не чаял встречи! Разве ты не проводишь часы в молении, приготавливая себя?

– Истинно так, брат, – скромно ответила мышка. – Я прознала о болящем и отправилась к Агнессе за благословением. Да смилуется святой Августин!

– Аминь, – прошептал Тихоний, с восхищением глядя на милосердную девушку.

По лечебнице рассыпались шепотки – пожаловала преподобная мать. Тихоний и Юстина почтительно склонились.

Агнесса остановилась подле ложа, и Тихоний ахнул: незнакомец очнулся. Он не смотрел ни на кого, кроме преподобной. Взгляд его был умный и внимательный, а глаза – разного цвета: синий и зелёный. Незнакомец не обнаруживал робости. Он молча ждал, пока к нему обратятся. И преподобная разглядывала гостя. Наконец, она отверзла уста:

– Приветствую тебя среди праведных! Моё имя Агнесса, и я указую пастве путь к спасению. Поведай, кто ты таков?

Незнакомец, поразмыслив немного, отвечал ей:

– Меня называют Паскаль. Я странствующий учёный и звездочёт.

Тень сомнения скользнула на мордочке Агнессы.

– Как ты нашёл путь к нам?

– Намедни я следил за кометой на крыше биостанции. Погода испортилась. На обратном пути закружила снежная буря и я провалился в открытое окно, – (Тихоний и Юстина недоумённо переглянулись). – Очнулся здесь.

Преподобная мать задумалась. Паскаль смиренно ждал своей участи.

– Возрадуйся! – ласково улыбнулась Агнесса. – Промысел Божий привёл тебя к нам. Уже наступили последние дни; из кладезя бездны выползает Зверь. Чаявшие спасения собрались в Ковчег.

Душа Тихония затрепетала.

– Живи среди нас, почитай закон Божий. Трудись во благо и жди свой черёд Вознесения. Брат Тихоний! Назначаю тебе послушание. Возлюби Паскаля аки младшего брата. Станет тебе помощником в арборетуме. Справь ему новое облачение, усади в трапезной подле себя. А прежнее платье сожгите.

– Благодарю тебя, преподобная! – низко поклонился монах, Паскаль лишь сухо кивнул.

– Благодарю Бога и святого Августина, – Агнесса возложила ладонь между ушей Тихония, благословляя на духовный труд.

Тихоний возликовал: преподобная мать доверила наставить новообращённого, а значит, она доверяет крепости веры самого Тихония. Надо во что бы то ни стало научить Паскаля всем премудростям жизни в обители, а когда наступит время Вознесения – с радостным сердцем проводить в путь.

– Преподобная мать, – кротко позвала Юстина, – разреши мне поухаживать за больным писцом. Кашель истязает его, не отпускает ни на миг.

– Нет, добрая сестра, – Агнесса покачала головой. – Уединись в молитве, ибо с вечерней зарёй ты отправишься навстречу святому Августину. Отринь мирское, обозри свою жизнь. Не остался ли не отмоленный грех? А что до писца... Отойдёт не сегодня, так завтра.

Глава третья. Сретение

*Нас Бог почтил разумом и указал нам путь; для нас же
произрастают плоды земные.*

Беседы Тимофея Огородника с учениками

Не заладилось с самого начала. Паскаль отчего-то надел подрысник швами наружу, а сандалии не на ту ногу. Ковылял как попало, наступал на подол, не знал, как подвернуть рукава. Поймав строгий взгляд Тихония, Паскаль виновато развёл лапами.

Путь к монастырскому огороду пролегал мимо посёлка. Здесь обитали мыши, не столь усердные в истинной вере. В картонных лачугах громыхали горшками, ревел младенец и кто-то гнусно храпел. Тихоний поморщился. Про таких сказано: трезвитесь, бодрствуйте, поелику противник ваш диавол ходит, как рыкающий кот, ища, кого бы проглотить. Куда там! Уж полдень, а ленный забавляет нечистого...

Паскаль с любопытством разглядывал чумазых детей, игравших камушками и веточками близ родных порогов. Неосторожного путника караулила верёвка, натянутая поперёк улицы. Пожилая мышь развешивала постиранное бельё. Тихоний попенял ей за препятствие ходу, но старушка оказалась не робкого десятка. Она заявила, что монах, чай, не барин, и Бог ему дал четыре лапы, чтоб обойти преграду. Не переломится!

Заурядный посёлок, если б не высоченная стена кустарника. Она тянулась влево и вправо, окаймляя мир. Куда ни посмотри – везде перекрученные стебли, мясистые ярко-зелёные листья с пальчатыми краями, а уж иголки чрезвычайные – вмиг спустят шкуру!

Вдруг Паскаль заметил, что колючки покачнулись, просунулась мышиная мордочка и тут же скрылась из виду.

– Кто это там?!

– Там-то... – Тихоний закричал от неловкости. – Да всякие, ах, не обращай внимания.

И монах решительно зашагал, давая знать, что не намерен пускаться в объяснения. Они остановились у низенького заборчика кругом огорода.

На грядках покачивались лечебные бессмертник, чистотел, валериана. Часть урожая попадала на стол: укроп, мята, базилик и петрушка. Другая часть помогала болящим. Подле ограды Тихоний устроил ящик для садового инструмента.

Он выдал Паскалю тяпку и наказал поправить оплывшие грядки. Снег, уходя, размыл землю. Сам же отправился рубить укроп – на стволе уже выросли молоденькие веточки. Когда Тихоний намахался топором, Паскаль спросил:

– Почему Агнесса назвала вашу обитель Ковчегом?

Тихоний затрепетал: наконец-то! И растерялся: доселе не проповедовал, лишь жадно впитывал речи преподобной матери. К сердцу пришлось: «Лучше три слова умом своим в наставление молвить, нежели многословием чужим утомить разум». И Тихоний решил объяснить Паскалю так, как сумеет, а Бог поведёт его.

Он пригласил ученика присесть на ящик.

– Погляди вокруг, – Тихоний обвёл лапами ойкумену. – От пруда до крайних выселок за собором – всё это мы называем Ковчег.

– За собором?! – недоумённо спросил Паскаль.

– За собором, – медленно повторил Тихоний. – Вот же, его отовсюду видно.

Мягкий свет окутывал колокольни по обе стороны центрального нефа. Собор поглядывал на мыша ободряюще, мол, не тушуйся, продолжай.

– Хорошо, пусть будет собор, – уступил Паскаль.

– В кельях живут братья и сёстры, – Тихоний коснулся своей тёмно-коричневой рясы. – А в деревне – миряне. Они покуда не наставлены в истинной вере. В деревню ходят монахи и проповедуют этим слепцам.

– А ты ходишь?

– Куда мне! – смутился Тихоний. – Душа горит от любви к святому Августину, да язык еле ворочается. Вместо слова живого выходит мёртвое. Нет Божьей искры! Бывает, проскочит мыслишка, кою пересказать мирянам, а на прополке уже позабуду. Скуден умом. Моё послушание – огорд, вот и всё.

– Почему же ты не записываешь свои мысли? – поинтересовался Паскаль. – В свободную минуту обдумаешь как следует.

– Да я неграмотный, – виновато развёл лапами Тихоний. – У нас все неграмотные, за вычетом писцов. Когда Агнесса проповедует с кафедры, те за ней записывают. Брусний трудится над градуалом, дабы служить по чину. И вот знаешь ли...

Он замялся, решая, стоит ли выкладывать малознакомому мышу сокровенные мечты. Но тут же решился, ибо между учителем и учеником должно быть открытое сердце.

– Собирается монах в народ идти, проповедовать, мусолит в лапах листы из градуала, тщится заучить. Потом соберёт мирян – и давай бубнить. Разве есть у него хоть крошка силы преподобной Агнессы?! Разве может он своим шербатым ртом посеять хоть капельку веры?.. Они послушают да разойдутся, чтоб снова бранить жён, колотить детей и лопать варёво. А вот представь себе Закон Божий! Строчки точно грядки, все по порядку. Что ни слово – то золото! – Он нахмурился и прошептал с тоской: – Сподобил бы меня Господь на подвиг, да куда мне сиволапому.

– Я совсем не Бог, но могу тебе помочь. – Паскаль пытливо разглядывал Тихония чудными глазами разного цвета, отчего тому делалось не по себе.

Разговор сам собой заглох. Наконец ученик прервал молчание:

– А всё-таки, почему вы называете монастырь и его окрестности Ковчегом?

– Как иначе! Ведь мир заживо гниёт в грехе, конец уж близок. А кто чаёт спасения, тот запирается в Ковчеге, чтобы по смерти пребывать с вечным Богом на небе. Самым достойным уготована лучшая участь – они могут вознестись, не дожидаясь конца света.

– Кажется, в лечебнице ты говорил о вознесении. – Паскаль наморщил шерсть на лбу. – Там ещё была монахиня. Сестра Юстина, правильно?

– Правильно, – улыбнулся Тихоний. – Юстина – всеобщая любимица. Добрая и заботливая. Помогает, даже если самой невмочь. Как она радовалась, когда мать Агнесса назвала её! Понимаешь, каждый день выбирают только одного. Большая честь!

– А что это такое – Вознесение?

– На вечерней заре все собираются у священного камня. В незапамятные времена святой Августин первый отправился к Богу как раз с того места. И с тех пор традиция живёт. – Он ласково улыбнулся ученику и добавил: – Терпение – добродетель. Сам всё увидишь. Так что да, наш монастырь – это Ковчег. Даже собор похож на корабль, ну, если посмотреть сверху.

– Ещё и кора-а-абль, – протянул Паскаль.

– Пора приниматься за работу, – подвёл черту Тихоний. – Не едино лишь терпение добродетель, а також и трудолюбие. Вот окучишь грядку-другую, тотчас снимет печали. Нечистый искушает гордыней, обещает златые горы. А наше с тобой место в арборетуме. Не понимаешь? Работай усердно и молись. Путь верный, я точно знаю: мне Господь послал ангела.

Паскаль изумлённо уставился на него.

– Был день как день, не помню уж какой, – начал объяснять Тихоний. – Я тогда землянику вырастил. Ягоды – во какие! – Монах развёл лапы пошире. – Поднимаю голову от грядки, а вон на той колючке ангел! Висит вниз головой, завернулся в крылья. Он почивал, дожидаясь меня, ибо имел весть. С виду почти как мы с тобой, только у передних лап крылья. Розовые, как шкурка младенца. Это символ его чистоты, ты понимаешь. Ну, я набрался храбрости, подтянул рясу и преподнёс ангелу дар – спелую землянику. С поклоном, со всем почтением, а сам робею. А он, угостившись, рёк, что слаще ягод не едал и благословил на огородничество. Весть мне принёс! Там, – Тихоний многозначительно указал перстом, – мною довольны. Потом ангел расправил крылья и взмыл на небо к Богу.

– В окно, наверное, залетел, – пробормотал Паскаль. – Проголодался с дороги.

– Опять окно! – вскипел Тихоний. Благодное настроение тут же пропало. – Да какое окно! Сие ангел! Они на небе живут, со святыми и Богом. Да ну тебя! Бери корзину и пошли. Обед скоро.

Глава четвёртая. Оплот и Твердыня

*Слетелись птицы к святому Амброзию, и рёк он им слово Божие.
И склонились они перед ним и понесли благую весть на все четыре
стороны.*

*«Проповедь святого Амброзия перед птицами и прочими зверьми»
в изложении благочинного Перегрина Ассизского*

Первым делом отнесли укроп на кухню и отдали толстомясой поварихе. Её товарки зашумукались, разглядывая Паскаля, но тому и дела до них не было, словно язык проглотил. «Сожалеет ученик о глупых речах своих», – рассудил Тихоний.

У входа в трапезную Паскаль задержал взгляд на барельефе дивной работы. В белом мраморе резчик передал движение тел, борьбу и страсть. Облачение и даже шерсть выступали из камня как живые.

– Сие напоминает о страстях, – Тихоний сложил ладони на груди. – Вот мыши, не поделив брашно, пожирают друг друга на потеху нечистому. А вот и он сам, – перст монаха указал на угловатую фигуру, – ходит неузнанный, разжигает вражду. Ведь он когда-то парил в небесах. За гордыню Бог его шмякнул оземь, и через это нечистый охромел на левую ногу.

– Неплохой рисунок, – вот и всё, что ответил Паскаль.

Рассаживались вдоль длинного стола: на краях молодые послушники, за ними, согласно чину, братья и сёстры, явившиеся от своих служб. А середину заняла преподобная мать Агнесса с присными. Особливо выделялся седошёрстый мышак. Просторная ряса не скрывала его могучего телосложения.

Тихоний усадил Паскаля подле себя, а не на краю, хотя пришлому там самое место, и наказал делать всё так, как делает сам. «Да ступит ученик в след учителя».

Здесь же, в трапезной, находилась кафедра, куда взгромоздился невероятно тучный мышак. Он бережно держал пачку исписанных листов.

– Чада мои, возблагодарим Бога за пищу, данную нам днесь! – торжественно произнесла Агнесса.

Молодые монахи обошли братьев и сестёр. Миску с похлёбкой поставили перед Паскалем, положили две ложки, а Тихонию ничего не досталось.

– Возблагодарим святого Августина, – с этими словами преподобная мать протянула ложку седошёрстому монаху и придвинула к нему миску.

К восторгу Тихония, Паскаль повторил её жест. Способный! Миски стояли между братьями и сёстрами, и каждый мог черпать сколько желал. Держись скромности, не объедай ближнего.

– Отец Брусний, – обратилась Агнесса к тучному монаху на кафедре, – какую пищу духовную ты нам приготовил?

– Послушайте притчу о преломлённом хлебе, – с поклоном ответил тот.

Тихоний обрадовался: лучше и не бывает! Паскалю полезно узнать о святом Августине и его подвиге. А тучный отец отыскал на листах нужную строчку и взялся неторопливо читать:

– И пришёл день скорби, когда сильные отбирали у слабых, алкая большего, и набивали закрома зерном. Немощные стлались сухой травой. Тогда воспылал гнев Господень на презревших милость Его, ибо зерно дадено всем.

– Аминь! – грянула братия, на миг перестав стучать ложками.

– И неразумных детей своих покарал Господь безумием. Брат грыз брата, мать обирала дочь. Лилась кровь, и творилось бесчинство. И встал меж ними отрок именем Августин и преломил хлеб свой – последний, что был у него.

Тут страница кончилась, и Брусний растерялся: с другого листа нагло пялился ягодный пирог. Что класть, как печь, да ещё и с рисунком. Несчастный отец сглотнул и стал копошиться в бумагах под дружное чавканье братии.

– Роздал он кусочки дерущимся с наказом поделить их меж других. Всякий, кто откусывал, тут же насыщался, как если бы не крошку вкусил, а целый каравай. И всякий, кто делился с братом, у того в лапах печева не убывало. Когда же все насытились, то приступили к Августину и плакали. Августин рёк им: славьте Господа! Ибо в Нём едином спасение. Отсель и повелось, когда садятся братья за стол, то трапезу общую имеют, поровну хлеб делят, и нет промеж них раздора.

Наступил черёд преподобной матери:

– Благодарю тебя, Брусний. Нам следует помнить о подвиге Августина и славить его в каждодневных молитвах.

Она задумчиво разглядывала Паскаля, будто решая что-то для себя:

– Сие наущение пойдёт на пользу новообращённому. Вы слышали, что отец Тихоний спас его от лютой смерти. Встань же и поведай, кто ты и зачем явился в обитель.

– Меня зовут Паскаль, – ответил мышак. – Я брожу среди мышей в поисках истины. Хотя порой её непросто разглядеть.

– Верно, брат, – кивнула Агнесса. – В болоте обывательской жизни вязнет живое слово Божие, а ведь сказано: «Слово есть у Бога, и слово есть Бог». Ты пришёл в правильное место. Здесь ты познаешь истину в молитвах и труде. Помни, что братия приуготовляет себя к Вознесению, ибо иссякли времена одряхлевшего мира. Ковчег стоит на краю геенны огненной. Каждый, кто вознёсся, молит святых и Бога даровать миру ещё один день, чтоб успеть ещё малую толику светлых душ спасти.

Паскаль молча склонил голову. Тихонию до смерти хотелось узнать, понял ли тот великую важность каждодневного труда в обители. Однако в мысли чужака с разноцветными глазами не проникнуть.

– Соблюдай устав, – подытожила преподобная мать, – уважай других монахов и не перечь Негоде. Он присматривает за порядком.

Плечистый мышак с недобрим взглядом посмотрел на Паскаля. Он сидел рядом с седошёрстым и будто охранял его. Тихоний про себя испросил милости Господа дабы новичок не спорил с Негодой – про того ходила дурная слава.

– Дозволь молвить, – седошёрстый поднялся со скамьи. Даже за порогом старости в нём прорывалась кипучая сила.

Агнесса, чуть дёрнув усами, кивнула:

– Пожалуйста, преподобный Северий. Да снизойдёт на тебя Святой Дух.

– Приветствую нового брата. Он очутился в обители не иначе как промыслом Божиим. Все остальные по воле Подателя, а Паскаль – как-то иначе... – Здесь он, увидев, как Агнесса кривит рот, повысил голос: – Что, безусловно, доказывает – терновник преодолим. Глядите, братья, как страстно Паскаль гнался за истиной! Не побоялся колючей стены, рискнул жизнью. Израненный, ушибленный, он всё-таки пробился к нам, и будет спасён. – Братия согласно загудела, с уважением поглядывая на пришельца. – А сколько таких, как он? Милосердно ли ждать, пока Податель переправит их по одному? Сколько из них, чающих спасения, не дожждётся одного?

– На всё воля Божья, – напомнила ему Агнесса. – Наш монастырь – это оплот веры и спасения. Там, за терновником, даже не смерть бrenного тела, но гибель бессмертной души. Пода-

тель волей Всевышнего переправляет сюда тех, кого ещё можно спасти. Разве мы вправе его подгонять?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.